

ВОСПОМИНАНІЯ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ

ОБЪ ИВАНОВЪ.

I.

ВОСПОМИНАНІЯ О. И. ЮРДАНА (1879 г.).

Мы съ Ивановымъ въ одно время воспитывались въ Академіи. Онъ, сколько я припомню, поступилъ въ 1815 году, я же нѣсколько раньше. Я живо помню, какъ онъ въ первый разъ пришелъ въ классъ, гдѣ мы всѣ сидѣли и рисовали. Это былъ мальчикъ небольшого роста, коренастый, широкоплечій, съ прекрасно-вьющимися русыми волосами и голубыми глазами; румяный, въ курточкѣ и съ большимъ отложнымъ воротникомъ рубашки, широко лежавшимъ на шеѣ и груди. Мы, мальчики, съ нѣкоторою завистью смотрѣли на маленькаго новаго товарища, пришедшаго къ намъ, бѣднякамъ, изъ семейства, болѣе достаточнаго, чѣмъ наши. Этотъ достатокъ выразался не только въ костюмѣ, но и во всей обстановкѣ Иванова: такъ, напримѣръ, у него была прекрасная папка и рисовальная бумага въ изобиліи; у него было гораздо болѣе, чѣмъ у насъ всѣхъ,—карандашей, и т. д. Ивановъ былъ еще дома подготовленъ къ рисованію своимъ отцомъ, профессоромъ, очень любимымъ и уважаемымъ всею Академіею. Маленькій Ивановъ уже и тогда прекрасно рисовалъ,—конечно, по лѣтамъ своимъ, и сталъ дѣлать быстрые успѣхи, и даже въ такой мѣрѣ, что, какъ это видно тоже и изъ его писемъ, академическіе профессора нерѣдко заподозрѣвали его въ томъ, что отецъ поправляетъ ему дома его рисунки, въ послѣдствіи и композиціи. Но это было совершенно несправедливо—

Ивановъ всегда работалъ самъ. Со своими товарищами онъ былъ постоянно ласковъ и обходителенъ, но не отличался никакою рѣзвостью, ни паловливостью, и никогда не участвовалъ въ общихъ проказахъ—онъ былъ всегда очень серьезенъ и сосредоточенъ. Я съ нимъ скоро сошелся: его добрая, тихая и симпатичная натура привлекала меня къ нему, и искренно привязала меня къ нему уже и въ этихъ раннихъ годахъ. Впоследствии, когда мы снова встрѣтились въ Италіи, молодыми людьми и пенсионерами Академіи, старинная привязанность превратилась въ дружбу, продлившуюся до самой кончины Иванова.

Въ Римѣ, у насъ образовался свой особый кружокъ, совершенно отдѣльный отъ прочихъ русскихъ художниковъ. Къ этому кружку принадлежали: Ивановъ, Моллеръ и я; центромъ-же и душой всего былъ Гоголь, котораго мы всѣ уважали и любили. Ивановъ-же къ Гоголю относился не только съ еще большимъ почтеніемъ, чѣмъ мы всѣ, но даже (особенно въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ) съ какимъ-то подобострастіемъ. Мы всѣ собирались всякій вечеръ на квартирѣ у Гоголя, по итальянскому выраженію «alle ventitre» (въ 23-мъ часу, т.-е. около 7¹/₂ часовъ вечера), обыкновенно пили русскій хорошій чай, и оставались тутъ часовъ до 9, или до 9¹/₂—не дольше, потому что для своей работы мы всѣ вставали рано, значитъ и ложились не поздно. Въ первые годы Гоголь всѣхъ оживлялъ и занималъ, но скоро исчезло прежнее свѣтлое его расположеніе духа. Сколько припомню, эта перемѣна совершилась съ нимъ около того времени, когда произошло его неудачное публичное чтеніе въ Римѣ, лѣтомъ 1841 г. Желая помочь художнику Шаповаленкѣ, сильно бѣдствовавшему отъ безденежья, Гоголь объявить, что прочтетъ въ его пользу своего «Ревизора». Княгиня Зинаида Волконская дала залу въ своемъ Palazzo Poli; собрались всѣ русскіе, находившіеся тогда въ Римѣ. Плата была громадная—5 скудъ; мы, художники, были всѣ на лицо. Ивановъ рассказывалъ намъ заранѣе: «Вотъ вы увидите-сь, вотъ вы увидите-сь, какъ Николай Васильичъ прочтетъ. Это просто чудесно-сь! Никто такъ не можетъ-сь!» Поставили Гоголю столъ на эстрадѣ, а на немъ—двѣ свѣчи и стаканъ съ сахарной водой. Но Гоголь сталъ читать такъ вяло, такъ невыносимо скучно, что нагналъ тоску на всѣхъ. Уже съ самаго почти начала и тотчасъ послѣ 1-го акта, гости стали одинъ за другимъ расходиться. Подъ конецъ остались въ залѣ одни мы, художники. Гоголь былъ жестоко оскорбленъ и обиженъ. Его самолюбіе, столь всегда щекотливое, неимоვნно страдало, и онъ этого случая ни-

когда потомъ не могъ забыть. Съ тѣхъ-то поръ, бывало, онъ, иногда въ цѣлый вечеръ, не промолвить ни единого слова. Сидитъ себѣ, опустивъ голову на грудь, и запустивъ руки въ карманы шароваръ,—и молчитъ. Не разъ я ему говаривалъ: «Николай Васильичъ, что это вы какъ экономны съ нами на свою собственную особу? Поговорите хоть что-нибудь». Молчитъ. Я продолжаю: «Николай Васильичъ, мы вотъ всё, труженики, работаемъ цѣлый день; идемъ къ вамъ вечеромъ, надѣмся отдохнуть, разсѣяться, —а вотъ вы ни слова не хотите промолвить. Неужели мы все должны только покупать васъ въ печати?» Молчитъ и ухмыляется. Изрѣдка только оживится, расскажетъ что-нибудь. Признаться сказать, на этихъ нашихъ собраніяхъ была ужаснѣйшая скука. Мы сходились, кажется, только потому, что такъ было уже разъ заведено, да и ходить-то болѣе было некуда. Съ прочими-же пенсионерами водить знакомство мы не желали, потому что тамъ только и было, что вѣчное вино, да карты, да шумъ, да крикъ, да всякія шалости и баловство ¹⁾. Много-ли разговаривалъ Ивановъ съ Гоголемъ внѣ этихъ нашихъ собраній, и были-ли у нихъ живой, важный обмѣнъ мыслей—того я не знаю, но что касается до нашихъ вечеровъ, на квартирѣ у Гоголя, то Ивановъ очень мало говорилъ, а все болѣе прислушивался къ другимъ, когда мы толковали о художественныхъ новостяхъ въ Римѣ, о работахъ русскихъ и иностранныхъ пенсионеровъ, о прочитанномъ въ газетахъ (мы одно время въ складчину подписывались на русскія газеты), а иногда, изрѣдка, вспоминали тоже про Россію, про петербургское наше житье. Если Ивановъ иной разъ вдругъ и рѣшался что-нибудь рассказать изъ увидѣннаго на улицѣ или изъ услышаннаго, онъ обыкновенно начиналъ смѣхомъ: «ха-ха-ха, а вотъ я сегодня....» Потомъ онъ, заминаясь и спутываясь, тянулъ, и кончалъ часто тѣмъ, что, бывало, вовсе ничего такъ и не расскажетъ. Про свои работы ни Гоголь, ни Ивановъ,—эта неразлучная парочка,—никогда не разговаривали съ нами. Впрочемъ, можетъ быть, они про нихъ разсуждали другъ съ дружкой, на-единѣ, когда насъ тамъ не было.

Встрѣчались мы съ Ивановымъ не всегда только у Гоголя. Мы иной разъ проводили, часокъ и въ «Café del bon

¹⁾ Здѣсь не лишнее будетъ привести то, что говорить П. В. Анненковъ о вечернихъ собраніяхъ у Гоголя — въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (II. 1877, отд. I, стр. 213): „Наскучивъ прогулками и театрами, мы проводили иногда остатокъ вечера у себя дома (т.-е. на квартирѣ у Гоголя) за бостономъ. Надо сказать, что ни я, ни хозяинъ (т.-е. Гоголь), ни А. А. Ивановъ, участвовавшій въ этихъ партіяхъ, понятія не имѣли не только о сущности игры, но даже и о начальныхъ ея правилахъ“.

Gusto», особенно, когда Гоголя не было въ Римѣ. Я живо помню тотъ вечеръ, когда, сойдясь однажды въ этомъ Café, какъ-то мы вдругъ сказали другъ другу: «Ну, я рѣшился: начинаю завтра свою гравюру съ «Преображенія» Рафаэля». — «Ну, и я тоже рѣшился: на дняхъ начинаю свое «Появленіе Мессіи». Дѣло въ томъ, что мы оба долго мечтали о предпріятіи большаго труда, и оба равно не рѣшались. Приѣхавъ въ Римъ изъ Англіи, я долго не зналъ, на какомъ именно сюжетѣ остановиться, и совѣтъ-было рѣшался взять оригиналомъ картину Гверчино—«Невѣріе Оомы», но противъ этого изо-всѣхъ силъ возсталъ Карлъ Брюловъ, въ то время еще не успѣвшій уѣхать изъ Рима, послѣ окончанія своего «Послѣдняго дня Помпеи»: онъ сталъ рѣшительно съ меня требовать, со всегдашнею своею горячностью и настойчивымъ деспотизмомъ, чтобъ я принимался за «Преображеніе», и ни о чемъ другомъ и думать-бы не смѣлъ. Напрасно я отказывался, выставлялъ на видъ громадность работы и трудность воспроизвести достойнымъ образомъ столь знаменитую въ цѣломъ мірѣ картину—Брюловъ ничего слушать не хотѣлъ и стоялъ на своемъ. Какъ послѣдній способъ сопротивленія, я указывалъ на то, что даже и добиться очереди работать съ «Преображенія» черезъ-чуръ трудно—такъ много всегда кандидатовъ, задолго впередъ записавшихся—и эта отговорка тоже не помогла. Карлъ Брюловъ, въ то время ставшій знаменитостью въ Римѣ, былъ въ знакомствѣ со всею римскою знатью, и безъ малѣйшаго труда выхлопоталъ мнѣ у тогдашняго перваго министра кардинала—разрѣшеніе работать съ «Преображенія», помимо очереди. Полтора года я дѣлалъ свой рисунокъ карандашомъ, и все еще твердо не рѣшался на страшную для меня работу, но, наконецъ, въ маѣ 1837 года, заказалъ мѣдную доску въ 1¼ пуда, приведшую въ ужасъ моего хозяина, и, когда все было готово, сообщилъ Иванову, что—принимаюсь. Каково-же было мое удивленіе, когда въ ту-же самую минуту Ивановъ, столько лѣтъ пробовавшій себя на эскизахъ, и все не рѣшавшійся окончательно приступить къ давно задуманной картинѣ, торжественно объявилъ мнѣ, что и у него заказанъ холстъ въ 7½ аршинъ вышины и 10½ ширины. Тутъ мы и принялись ревностно за работу. Но годы шли, а картина Иванова мало подвигалась впередъ. Онъ слишкомъ былъ нерѣшителенъ, слишкомъ много времени употреблялъ на этюды. Сколько разъ я ему говорилъ: «Какъ это вы можете, Александръ Андреевичъ, терять понапрасну самое дорогое время въ году? Придетъ лѣто—тутъ только-бы и работать; смотришь, а вы какъ разъ тотчасъ уѣзжаете: то въ Венецію, то въ Неаполь, то въ Субіако, то въ Перуджію! Какъ это можно?

Этакъ вы и въ сто лѣтъ не кончите картину». — «А какъ же съ, нельзя съ такъ», отвѣчаетъ Ивановъ: «этюды, этюды, — мнѣ прежде всего съ нужны этюды съ натуры, мнѣ безъ нихъ съ никакъ нельзя съ моей картиной». Что съ нимъ подѣлаешь? Такъ и отступишься. Упрямя и своеобразенъ былъ онъ сильно.

Лучшій портретъ Иванова былъ сдѣланъ имъ самимъ въ Римѣ, карандашомъ, и посланъ въ 1846 году отцу. Приѣхавъ въ Петербургъ въ 1850 году, я навѣстилъ племяннику Александра Андреевича — красавицу Екатерину Андреевну, дочь его родной сестры, тоже Екатерины Андреевны, бывшей за-мужемъ за академикомъ Сухихъ и жившей въ то время въ Севастополѣ. Въ квартирѣ этой-то племянницы я случайно и увидѣлъ тотъ самый портретъ Иванова, который такъ понравился мнѣ еще въ Римѣ, и по чрезвычайному сходству, и по превосходному рисунку и тушевкѣ. Я сильно желалъ его награвировать. Отца Ивановыхъ уже не было въ живыхъ, и портретъ взяла къ себѣ Екатерина Андреевна, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ покойнаго. Но тщетно я упрашивалъ ее отослать его къ ея дядямъ въ Римъ — она ни за-что не соглашалась, и все только отвѣчала: «Послѣ, послѣ когда-нибудь. Я подумаю, соберусь». Такъ этотъ превосходный портретъ и исчезъ, вмѣстѣ съ нею, и всѣ мои развѣдки, впоследствии, ни къ чему не привели. Ивановъ былъ представленъ на этомъ портретѣ по грудь, но безъ рукъ, въ сюртукѣ, съ отросшей бородою.

Нашъ римскій кружокъ не распадался и во время довольно частыхъ отъѣздовъ то того, то другаго изъ нашей среды, изъ Рима, лѣтомъ: одни изъ насъ уѣзжали въ Неаполь или куда нибудь въ другое приморское мѣсто на воды, другіе въ Германію или Россію, третьи (какъ напримѣръ, Ивановъ) отправлялись дѣлать этюды въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи. Тогда мы принимались переписываться другъ съ другомъ. У меня было, вслѣдствіе того, не мало писемъ отъ Гоголя и Иванова. Къ несчастью, они не сохранились, и потому я считаю большою радостью для себя, что могу теперь перечитать, послѣ 25 или 30 лѣтъ, хотя нѣкоторыя изъ писемъ Иванова ко-мнѣ, уцѣлѣвшія въ видѣ черновыхъ набросковъ въ его записныхъ тетрадяхъ: они мнѣ напоминаютъ дорогое и незабвенное для меня время.

П.

ВОСПОМИНАНІЯ П. М. КОВАЛЕВСКАГО.

Въ статьѣ своей: «Объ Ивановѣ и его картинѣ» («Отечественныя Записки» 1859, т. СХХІІІ, отд. І, стр. 113—132), П. М. Ковалевскій передаетъ много очень любопытныхъ и многозначительныхъ подробностейъ объ Ивановѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Римѣ, въ 1856 году, по тому поводу, что родственникъ Гоголя, издававшій въ то время переписку его съ друзьями, поручилъ П. М. Ковалевскому достать отъ Иванова Гоголевскія письма. Проникнуть къ Иванову было очень трудно, потому что студія его была заперта на замокъ, и хозяинъ дома объявлялъ всѣмъ приходящимъ, что Ивановъ нѣтъ дома и никогда не бываетъ дома. «Дѣлать было нечего, рассказываетъ авторъ:—я послалъ письмо. Дня черезъ два Ивановъ явился самъ вечеромъ, съ пучкомъ писемъ. Это былъ человѣкъ одичалый, вздрагивавшій при появленіи всякаго новаго лица, раскланивавшійся очень усердно съ прислугою, которую принималъ за хозяйку,—человѣкъ съ движеніями живыми и глазами бѣгавшими, хотя постоянно потупленными въ землю, съ густою просѣдою въ курчавыхъ нѣскольکو волосахъ и бородѣ, широкоплечій, средняго роста и мускулистый, съ умною и истинно-русскою наружностью». Картины своей Ивановъ П. М. Ковалевскому не показавъ, какъ и всѣмъ, говоря, что «она того не стоить.... Николай Васильичъ (Гоголь) сдѣлалъ мнѣ много вреда похвалами: послѣ его словъ я не вправѣ выставить свою картину... Съ меня слишкомъ много спросится».—«Вы предоставьте судить другимъ».—«Извольте ѣхать-съ къ Овербеку (повторилъ прежніе свои слова Ивановъ, откланиваясь), а обо мнѣ и говорить не стоить-съ...» И уходя, обѣщавъ бывать часто. Прощла зима—Ивановъ не являлся. Надо было отсылать письма, а нѣкоторыхъ нельзя было напечатать, не предваривъ его. Случайно я столкнулся съ Ивановымъ на выставкѣ. Мы вмѣстѣ обошли картины: вниманіе его особенно останавливалось на тѣхъ, которыя носили въ себѣ слѣды какого-либо изученія; онъ прощалъ самыя бездарныя между ними, говоря, что онѣ болѣе могутъ принести пользы искусству, нежели хорошенькія сцены (*жанръ*), ничего не прибавляющія для дѣла. Наконецъ, мы остановились у картины русскаго художника-пенсіонера. Онъ долго и внимательно ее разсматривалъ; произносилъ по временамъ отрывистые: *а!*

вотъ что-съ! угу! и тому подобное; на всѣ мои вопросы не дагъ ни одного отвѣта; былъ углубленъ во что-то, и, только пройдя нѣсколько улицъ, замѣтилъ, что «надо полагать, весьма, однако, трудно было получить золотую медаль такому-то».

«Къ отсылкѣ писемъ Гоголя въ Россію онъ оказался совершенно равнодушнымъ, и на замѣчаніе мое, что нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ близко касаются лично его, отвѣтилъ: «Я полагаю-съ, это ничего не значитъ!» Замѣчательная черта въ человѣкѣ, который прятался и бѣгалъ отъ публичности!

«На первый годъ наше знакомство тѣмъ и кончилось. На второй (1857), оно, быть можетъ, не возобновилось-бы вовсе, еслибъ пребываніе въ Римѣ вдовствующей Императрицы не открыло двери недоступной студии. Тутъ я увидалъ Иванова отцомъ дѣлѣмаго имъ дѣтища, лицомъ къ лицу съ «Явленіемъ Христа народу», но все тѣмъ-же сосредоточеннымъ, съѣжившимся ипохондрикомъ, боязливо встрѣчавшимъ прохожихъ на порогѣ и провожавшимъ ихъ безъ всякой надобности до самой лѣстницы... Ивановъ приступилъ къ своей картинѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватаясь за оплоты людей съ именами... Но нерѣшительный Ивановъ, ищущій образцовъ, когда начинается работа, и Ивановъ—совершенитель этой работы,—какъ совмѣстить такую слабость и такую силу въ одномъ человѣкѣ? Овербекъ, имѣвшій дѣло съ робкимъ начинаніемъ, проводить нѣсколько часовъ передъ оконченнымъ произведеніемъ и только въ состояніи произнести: «Кто могъ-бы думать, Ивановъ насъ надуль!» Самъ доживающій восьмидесятые свои годы Корнелиусъ, въ полномъ расколѣ съ правдою (натурою) въ искусствѣ, и тотъ, послѣ оговорокъ, что картина грѣшитъ противъ стила, т.-е. ничѣмъ не подходитъ къ хлыстовщинѣ старовѣровъ, пожимаетъ руку Иванова, твердя: «Вы большой мастеръ! (un valoroso maestro)». А нѣмцамъ, думавшимъ угодить ему хулою, замѣчаетъ строго, чтобъ они пошли, да лучше изучали... Нѣмцы поджимаютъ хвостъ и плетутся въ *Vicolo del Vantaggio* (мѣсто жительства Иванова)...

«Исторгнутый изъ своей кельи, оглушенный тысячею предложеній, совѣтовъ, зововъ, измученный пріемомъ посѣтителей, Ивановъ поневолѣ началъ выбиваться изъ колеи, которою однообразно до тѣхъ поръ катилась его жизнь. Онъ появился въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ; не избѣгалъ общества русскихъ художниковъ, показавшихъ ему (за исключеніемъ немногихъ) вообще горячее сочувствіе. Молодой скульпторъ Забѣлло приступилъ было къ нему съ просьбою позволить

вылѣпить его бюстъ; но это уже выходило за предѣлы его свѣтскости, и онъ на-отрѣзъ отказалъ, говоря, что «это было бы несообразно»...

Лѣтомъ 1857 года, П. М. Ковалевскій снова встрѣтился съ Ивановымъ въ Интерлакенѣ, куда нашъ художникъ прѣхалъ изъ Берлина, лечиться сывороткой. «Старая плѣсень затворничества,—разсказываетъ П. М. Ковалевскій,—съ него видимо свалилась: онъ даже глазами глядѣлъ уже менѣе внизъ, и очень радовался, что доктора не нашли въ нихъ органическаго поврежденія. Мѣсяць, проведенный въ Интерлакенѣ, съ утра до ночи подъ орѣшниками, сильное движеніе, сыворотка, да къ тому же беззаботность жизни, разговоры на распахку и смѣхъ въ дружномъ кружкѣ русскихъ, надежды, бодрившія старика въ скоромъ будущемъ—все сдѣлало изъ него неузнаваемаго человѣка. Ивановъ точно начиналъ только теперь жить: и что за институтскія были его воззрѣнія и на людей, и на общество! Петербургъ, и съ молodu ему мало знакомый, представлялся его воображенію какъ-то особенно превратно; о людяхъ и дѣйствителяхъ его на разныхъ поприщахъ онъ составлялъ себѣ вовсе несбыточные понятія: исполнялся неодолимаго страха къ тѣмъ изъ нихъ, которые были совершенно безопасны, и видѣлъ силу тамъ, гдѣ была только слабость... Монахъ въ жизни, онъ пробовалъ ее только теперь, и наслаждался каждымъ глоткомъ ея. Откровенный разговоръ, острая выходка, споръ съ заносчивостью и увлеченіемъ, даже сказанная кѣмъ-либо глупость, все ему звучало ново, даже назидательно, и онъ, когда всѣ умолкали, удалялся подъ густое дерево, и что-то записывалъ мелко и часто въ крошечной книжонкѣ, которую всегда носилъ въ карманѣ. «Весьма много любопытнаго почерпнулъ сегодня», говорилъ онъ, бывало, вечеромъ, и покачивалъ съ довольствомъ головою.

«Придетъ-ли хоръ альпійскихъ трубочей, или дѣвушки съ Бриенскаго озера затынутъ свои плѣсни съ завываніемъ, онъ ко всему прислушивается жадно; приложить за ухо ладонь, и стоять около, покуда тѣ не уймутся. «Нравится вамъ, Александръ Андреевичъ?», спрашивали его.—«Чрезвычайно любопытно! весьма много можно почерпнуть», отвѣчалъ онъ, и задумывался.

«Самая осторожность его въ высказываніи собственнаго мнѣнія уступала напору общей откровенности, и часто, увлеченный горячимъ споромъ, онъ невольно высказывался. Такимъ образомъ удавалось вызывать его на отзывъ о томъ или другомъ изъ знаменитыхъ художниковъ. Старымъ художникамъ онъ придавалъ большое, не безотносительное, но

историческое значеніе, и въ этомъ случаѣ Чимабуэ и Джіотто по праву имѣли его уваженіе. Въ Жанъ-Беллини онъ восхищался наивностью колорита, но особенно цѣнилъ Леонардо да-Винчи, и даже ѣздилъ нарочно въ какой-то нѣмецкій городъ ¹⁾, гдѣ были его рисунки. Рафаэля онъ превозносилъ за чистоту стиля, прелесть рисунка и проч. «Это школа», говорилъ онъ обыкновенно. Въ Микель-Анджело Буонарротти онъ видѣлъ прежде всего творца купола св. Петра, и, «сдѣлай Буонарротти только куполъ (прибавляя Ивановъ)—великое имя его было-бы еще больше». О статуяхъ, кромѣ миеологическихъ, и картинахъ его онъ избѣгалъ говорить. Но однажды, пойманный врасплохъ, высказался о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и чрезвычайно самобытно. «Что вы думаете о «Св. семействѣ» Буонарротти во Флоренціи, въ Трибунѣ?» спросилъ я его, когда онъ никакъ не могъ ожидать этого вопроса. — «Ахъ, какая скука-съ!», отвѣчалъ онъ. — «А его Моисей?» — «Тоже прескучная статуя-съ!»... Всѣхъ выше изъ мастеровъ послѣдняго времени онъ ставилъ Брюлова. «Брюловъ произвелъ революцію въ искусствѣ!» говорилъ онъ. За Брюловымъ слѣдовалъ Поль-Деларошъ. Ко всѣмъ родамъ живописи, кромѣ строго-исторической, Ивановъ питалъ болѣе чѣмъ равнодушіе: онъ считалъ ихъ вредными, говоря, что они превращаютъ искусство въ одну пустую забаву глазъ и не даютъ художнику развиваться въ «историческаго», единственно-истиннаго, по его мнѣнію, художника. Особенно враждовалъ онъ противъ сценъ изъ всендневной жизни (*жанра*), которыя знали болѣе по фламандскимъ рабочимъ копіямъ съ натуры, лишеннымъ всякаго содержанія. «Вы не видѣли сценъ Федотова!» говорилъ я ему: «иначе вы судили-бы не такъ; это Гоголь въ краскахъ». Я до того договорился о Федотовѣ, что послѣ, упоминая о *жанрѣ*, онъ ужъ всегда дѣлалъ оговорку: «кромѣ Федотова-съ»...

«Послѣ Лондона я видѣлъ Иванова въ Остенде и въ Парижѣ—желтаго, похудѣвшаго; онъ раздражался всѣмъ, былъ глубоко обиженъ, что въ «Jardin des plantes» сторожъ не повѣрилъ его званію художника и не позволилъ срисовать верблюда. — «Вы это сдѣлаете въ Пизѣ», говорилъ я Иванову: «тамъ ихъ много». — «Вы это точно знаете?» — «Точно». И онъ оживился. Италія уже начинала звать его къ себѣ, какъ мать; о ней онъ вспоминалъ и въ Швейцаріи, и холодно смотрѣлъ на дерзкія громады Альповъ, казавшіяся ему грубыми послѣ изнѣженныхъ итальянскихъ линій горъ.

«Въ послѣдній разъ, въ Парижѣ, я видѣлъ Иванова въ

¹⁾ Веймаръ.

суетахъ: онъ накупилъ себѣ 12 манкеновъ (маленькихъ) и подбиралъ къ нимъ драпировки, никакъ не находя матерій, потому что искалъ старинныхъ, а въ Парижѣ—въ августѣ іонская матерія уже старинна, и ея уже не сыщешь. «Это будутъ 12 апостоловъ», говорилъ Ивановъ, и глаза его блестяли дѣтской радостью: «я ихъ буду ставить въ группы. Съѣзжу въ Палестину, и исполню всю жизнь Христа въ эскизахъ. Раздѣлю ихъ на двое — ученье и чудеса. У меня давно все подготовлено-сь. Только бы поскорѣе получить деньги за картину».—«Гдѣ-то теперь увидимся?» спросилъ я его, провожая на улицу.—«Только не въ Петербургѣ-сь!» отвѣчалъ онъ весело.

«И точно, мы не увидѣлись въ Петербургѣ»...

III.

ВОСПОМИНАНІЯ В. П. ГАЕВСКАГО (1879 г.).

Я познакомился съ Ивановымъ въ 1857 г., въ Лондонѣ. Немедленно по прїѣздѣ, онъ, 21 авг. (2 сент.), отправился въ Пётней (Putney), близъ Лондона,—къ Г., свиданіе съ которымъ было главною цѣлью его поѣздки въ Англію. Въ этотъ же день прїѣхалъ ко мнѣ Г., съ которымъ мы уже прежде условились ѣхать въ Манчестеръ на художественную выставку, и сообщилъ, что у него былъ Ивановъ, но не засталъ, и что онъ послалъ ему записку, приглашая ѣхать съ нами въ Манчестеръ.—Г. не видѣлся съ Ивановымъ лѣтъ десять, съ Рима, я вовсе не зналъ его, и мысль совершить вмѣстѣ съ нимъ художественную поѣздку намъ очень улыбалась. Но мы прождали его напрасно, и уѣхали вдвоемъ съ 4-мъ часовымъ поѣздомъ. Впослѣдствіи оказалось, что Ивановъ уже былъ въ Манчестерѣ, и, предполагая остаться въ Лондонѣ съ недѣлю, рѣшилъ ожидать возвращенія Г.—Пробывъ въ Манчестерѣ три дня, мы возвратились въ Лондонъ поздно вечеромъ 23 авг. (5 сент.), а на другой день я получилъ отъ Г. записку, чтобъ придти въ *National Gallery*, гдѣ онъ будетъ съ Ивановымъ до 3 часовъ. «Ивановъ»—писалъ мнѣ Г.—«est un homme très excentrique, artiste etc». Вотъ впечатлѣніе ихъ первой, минутной встрѣчи. Мы сошлись въ Національной Галлерей одновременно, и провели тамъ нѣсколько часовъ.

Ивановъ произвелъ на меня впечатлѣніе очень умнаго,

чрезвычайно скромнаго, застѣнчиваго и нѣсколько одичавшаго человѣка. Разговоръ шелъ только о живописи. Ивановъ жадно прислушивался ко всякому слову Г., изрѣдка вставляя замѣчанія, какъ бы въ подтвержденіе его мнѣній.—Г. не былъ знатокомъ живописи, но имѣлъ много вкуса и художественнаго чутья, и высказывалъ мнѣнія о произведеніяхъ искусства по своему личному впечатлѣнію, не соображаясь съ академическими преданіями. Ему болѣе всего дорогъ былъ, по его собственнымъ словамъ, «эпикуреизмъ искусствомъ». Эта независимость сужденія чрезвычайно поражала Иванова, воспитаннаго на поклоненіи старымъ итальянскимъ мастерамъ. Предметомъ безусловнаго его поклоненія были, на этотъ разъ, въ особенности Тиціанъ и Гвидо-Рени. Я помню, съ какимъ недоумѣніемъ онъ отскочилъ отъ насъ, услыхавши, что отъ Тиціана, при всѣхъ достоинствахъ письма и колорита, вѣетъ скукою и холодомъ. Ивановъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, казалось, хотѣлъ переспросить, но воздержался, и не возражалъ, какъ намъ показалось, единственно потому, что въ подобномъ мнѣніи ему слышалось какое-то богохульство: это мнѣніе слишкомъ радикально расходилось съ его взглядомъ, и онъ чувствовалъ невозможность соглашенія. Пристрастіе Иванова распространялось, за Тиціаномъ, и на всю венеціанскую школу. Съ другой стороны, онъ очень сдержанно выслушивалъ наши восторги отъ произведеній Рубенса и другихъ фламандцевъ, и въ этомъ отношеніи былъ послѣдователенъ. Манчестерская выставка, на которой были собраны художественныя сокровища всей Англіи, находящаяся у чуждыхъ лицъ, повидимому, не произвела особеннаго впечатлѣнія на Иванова: онъ вовсе не говорилъ о ней, и довольно равнодушно выслушивалъ наши рассказы. Ивановъ, очевидно, былъ озабоченъ сомнѣніями и вопросами, разрѣшенія которыхъ ждалъ отъ Г., и съ которыми связывалъ свою дальнѣйшую художественную дѣятельность. Онъ говорилъ намъ о намѣреніи изобразить главнѣйшія событія изъ жизни Иисуса Христа, и просилъ указать какое-либо сочиненіе о Палестинѣ, на доступныхъ ему только итальянскомъ и французскомъ языкахъ. Я указалъ извѣстное иллюстрированное сочиненіе аббата Michon, которое онъ и рѣшилъ пріобрѣсти въ Парижѣ. Для изученія мѣстности, природы и вообще обстановки, среди которыхъ Ивановъ предполагалъ изображать евангельскія событія, онъ собирался ѣхать въ Палестину, не зная, что приближающаяся старость и разстройство здоровья и зрѣнія, при его добросовѣстной до кропотливости работѣ, дѣлаютъ это предпріятіе трудно осуществимымъ.

Въ тотъ же день мы обѣдали съ семействомъ Г., по случаю

имянинъ его дочери и Н. А. О—вой. Ивановъ, видѣвшій ихъ въ первый разъ, былъ довольно разговорчивъ, и съ увлеченіемъ говорилъ о пользѣ, которую надѣялся извлечь изъ своего путешествія для будущихъ работъ. Свѣтлое, спокойное настроеніе Иванова сообщалось его собесѣдникамъ, и какъ-то легко становилось на душѣ въ присутствіи этого чистаго сердцемъ человѣка.—Г. съ удовольствіемъ вспоминалъ въ послѣдствіи объ этой встрѣчѣ, и съ свойственнымъ ему талантомъ описалъ ее въ одной газетѣ ¹⁾).

На слѣдующій день Ивановъ поѣхалъ со мною къ Г., у котораго мы встрѣтили Саффи, одного изъ римскихъ триумвировъ 1848 г.—Разговоръ, какъ и вчера, не выходилъ изъ предѣловъ искусства и литературы, не касаясь политики, къ которой Ивановъ былъ довольно равнодушенъ. Онъ очень желалъ видѣть Маццини, чтобъ узнать его взглядъ на задачи современнаго искусства; но Маццини тогда не былъ въ Лондонѣ. Въ ту же ночь 23 августа (9 сентября) Ивановъ уѣхалъ въ Брюссель на художественную выставку, взявъ отъ меня рекомендательныя письма къ основателю и редактору газеты «Le Nord», Н. П. Поггенполю, и сотруднику ея, моему лицейскому товарищу, Ю. П. Поггенполю. Мы условились съѣхаться чрезъ нѣсколько дней въ Парижѣ.

Въ слѣдующемъ году я встрѣтился съ Ивановымъ въ Петербургѣ, на освященіи Исакиевскаго собора, 30 мая. Онъ только что вернулся въ Россію послѣ 28-лѣтняго отсутствія, и хотя уже надломленный отъ чрезмѣрнаго труда и лишній, но еще полный надеждъ, не подозрѣвая ожидавшихъ его разочарованій и оскорбленій. Публика долго не имѣла возможности видѣть его картину, которая прибыла въ Петербургъ въ самое глухое, лѣтнее время, и была доставлена прямо въ Зимній дворецъ. Немедленно по полученіи картины, Ивановъ пригласилъ меня посмотрѣть ее. Не буду описывать моихъ личныхъ впечатлѣній, но не могу умолчать о чертѣ, характеризующей Иванова,—о его необыкновенной скромности при оцѣнкѣ своего великаго произведенія. Та же скромность поразила меня, когда онъ показывалъ свои замѣчательные и въ высшей степени поучительные этюды къ этой картинѣ. Сперва онъ не хотѣлъ даже выставлять ихъ, и только весьма немногочисленные его почитатели имѣли въ то время случай любоваться ими въ квартирѣ Боткиныхъ, у которыхъ онъ остановился ²⁾).

Въ іюнѣ я сообщилъ Иванову о пріѣздѣ въ Петербургъ

¹⁾ Выписка изъ нея приведена выше, на стр. XXIII и XXIV «Биографія».

²⁾ Потомъ они были выставлены самимъ Ивановымъ въ Академіи Художествъ.

жены Ю. Поггенполя. Онъ собирался поѣхать къ ней, чтобъ познакомиться и поблагодарить за дружескій пріемъ, оказанный ему въ Брюсселѣ ея мужемъ. Между тѣмъ дня черезъ два умерла отъ холеры ея маленькая дочь. Этотъ печальный случай, о которомъ я тогда же рассказалъ Иванову, чрезвычайно поразилъ его. «Значить, нужно здѣсь всего опасаться, особенно пріѣзжему» — сказалъ онъ.

Всегда необыкновенно воздержный въ пищѣ и питъѣ, онъ сталъ еще воздержнѣе, и всего остерегался. Болѣзненная мнительность развивалась еще болѣе вслѣдствіе неудачъ и огорченій. Вызванный въ Сергіевку, онъ поѣхалъ не ѣвши, проголодалъ цѣлый день, и, возвратясь измученный нравственно и физически, заболѣлъ въ тотъ же вечеръ. Черезъ три дня (3 іюля 1858 г.) уже все было кончено...

IV.

ВОСПОМИНАНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Поѣздка въ Альбано и Фраскати» («Вѣкъ» 1861 г., № 15), И. С. Тургеневъ сообщилъ нѣсколько въ высшей степени важныхъ и интересныхъ біографическихъ свѣдѣній объ Ивановѣ. Онъ рассказываетъ, какъ въ одинъ изъ превосходнѣйшихъ октябрьскихъ дней 1857 года, они втроемъ совершили поѣздку, въ коляскѣ, въ Альбано и Фраскати. Участвующіе были: Вас. Петр. Боткинъ, самъ Ив. Серг. Тургеневъ и—Ивановъ, «или, какъ его величали въ Римѣ отъ трактира Falcone до Café Greco — il Signor Alessandro, который и по одеждѣ, и по привычкамъ, давно сталъ кореннымъ римляниномъ». «Мы наканунѣ, продолжаетъ Ив. Серг. Тургеневъ, вмѣстѣ съ Ивановымъ, ходили въ Ватиканъ; но Ивановъ былъ въ ударѣ, не дичился и не ѣжился, говорилъ охотно и много. Онъ говорилъ намъ о различныхъ школахъ итальянской живописи, которую изучилъ подробно и добросовѣстно; всѣ его сужденія были тонки, дѣльны и проникнуты уваженіемъ къ «старымъ мастерамъ». Передъ Рафаэлемъ онъ благоговѣлъ. Извѣстно, что на Иванова нѣкогда имѣлъ сильное и благотворное вліяніе Овербекъ: онъ уяснилъ ему Рафаэля; но когда Овербекъ пошелъ дальше, Ивановъ остановился: русскій здравый смыслъ удержалъ его на порогѣ того искусственнаго, аскетическаго, символическаго міра, въ которомъ потонулъ германскій художникъ; за то идеалистъ

Ивановъ остался навсегда въ глазахъ Овербека грубымъ реалистомъ. Сентиментальность была чужда Иванову: она чужда всякому истинно-русскому человѣку. Онъ глубоко сожалѣлъ о современномъ направленіи нашихъ художниковъ — (одинъ изъ нихъ при мнѣ величалъ Рафаэля *бездарнымъ*), и отзывался намъ кое-что о Брюловѣ и о Гоголѣ, котораго называлъ постоянно: Николаемъ Васильичемъ. Изъ его почти-тельныхъ, но осторожныхъ отзывовъ о нашемъ великомъ писателѣ, можно было заключить, что онъ особенно хорошо изучилъ его. Гоголь нисколько не понималъ Иванова, хотя превозносилъ его «Явленіе Христа»; вѣдь тотъ-же Гоголь приходилъ въ восхищеніе отъ «Послѣдняго дня Помпеи»; а любить эти двѣ картины, въ одно и то же время, невозможно. Ивановъ съ особеннымъ сочувствіемъ упоминалъ о страшномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Гоголя всеобщимъ осужденіемъ его «Переписки»; объ этомъ, да еще о 1848 годѣ, Ивановъ говорилъ не иначе, какъ съ содроганіемъ. Можетъ быть, ему въ голову приходило, что «вотъ и мою картину, пожалуй, такъ-же разбранятъ»; а въ началахъ, которыя чуть-было не восторжествовали въ 1848 году, онъ почему-то видѣлъ конецъ и разореніе всякаго художества ¹⁾.

Рѣчь зашла и объ его картинѣ. Мы ее тогда не видали, и онъ собирался отпереть свою студию дня на три, что онъ и исполнилъ нѣсколько недѣль спустя. Онъ утверждалъ, что она еще далеко не кончена, и сообщилъ намъ любопытныя подробности о своей поѣздкѣ въ Германію къ одному извѣстному ученому ²⁾, возрѣніе котораго совпадало съ тѣмъ, что онъ, Ивановъ, хотѣлъ выразить въ своей картинѣ. Онъ намѣревался пригласить этого ученаго въ Римъ для того, чтобы тотъ рѣшилъ, точно-ли соответствуетъ картина вышесказанному возрѣнію.

«По словамъ Иванова, докторъ *** ³⁾, вѣроятно, принялъ его за сумасшедшаго, тѣмъ болѣе, что разговоръ происходилъ со стороны ученаго на латинскомъ, а со стороны Иванова на итальянскомъ языкѣ, такъ какъ Ивановъ не понималъ нѣмца; должно замѣтить, что Ивановъ плохо понималъ по латыни, а ученый—по итальянски. Живо помню я наивное, почти трогательное удивленіе Иванова, когда мы съ Боткинскимъ начали объяснять ему, что еслибы даже ученый согласился пріѣхать въ Римъ, или точнѣе, если бы ему позволили туда пріѣхать, все-таки бы онъ не могъ рѣшить, достигъ-ли Ивановъ своей цѣли и передалъ-ли его образъ мы-

¹⁾ Въ письмахъ Иванова 1847—48 годовъ мы читаемъ совершенно иное.

²⁾ Давиду Штраусу.

³⁾ Докторъ Штраусъ.

слей, потому что для этого еще нужно было особенное понимание искусства, которымъ ученый едва-ли обладалъ. Онъ могъ не узнать воплощенія своего собственнаго воззрѣнія, или, наоборотъ, увидѣть его воплощеніе тамъ, гдѣ его не было.

—«Такъ-съ, такъ-съ,—повторялъ Ивановъ, добродушно осклабяясь, пришептывая и мигая.—Это очень интересно-съ (любимое его словцо). Этого мнѣ въ голову не приходило-съ».

«Долгое разобщеніе съ людьми, уединное житіе съ самимъ собою, съ одной и той-же постоянной, неизмѣнной мыслью, наложило на Иванова особенную печать; въ немъ было что-то мистическое ¹⁾ и дѣтское, мудрое и забавное, все въ одно и тоже время, что-то чистое, искреннее и скрытное, даже хитрое. Съ перваго взгляда все существо его казалось проникнуто какою-то недоувѣрчивостью, какой-то, то суровой, то заискивающей робостью; но когда онъ привыкалъ къ вамъ—а это происходило довольно скоро, хотя и повторялось, начиналось сызнова, при каждомъ свиданіи—его мягкая душа такъ и раскрывалась. Онъ внезапно хохоталъ отъ самой обыкновенной остроты, удивлялся до онѣмѣнія самымъ общепринятымъ положеніямъ, пугался каждого, немного рѣзкаго, слова (помнится, однажды, онъ даже подпрыгнулъ на воздухъ, услышавъ отъ одного изъ насъ, что такая-то извѣстная русская писательница—глупа) ²⁾—и вдругъ произносилъ слова, исполненные правды и зрѣлости, слова, свидѣтельствовавшія объ упорной работѣ ума замѣчательнаго. Къ сожалѣнію, воспитаніе онъ получилъ слишкомъ поверхностное, какъ большая часть нашихъ художниковъ. Усидчивымъ трудомъ онъ старался восполнить этотъ недостатокъ. Древній міръ ему былъ хорошо знакомъ, онъ изучилъ ассирійскія древности (онѣ были ему нужны для его будущихъ картинъ),—Библию, и въ особенности Евангеліе онъ зналъ отъ слова до слова. Онъ охотнѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ, и, несмотря на это, бесѣдовать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ: столько было въ немъ добросовѣстнаго и честнаго желанія истины. На наши вечеринки онъ приходилъ всегда первый, и, какъ только завязывался споръ, съ напряженнымъ и терпѣливымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ мысли каждого. Въ числѣ русскихъ, жившихъ тогда въ Римѣ, находилса одинъ добрый и не глупый малый, но съ потемками въ головѣ и со спутан-

¹⁾ Ни письма, ни вся жизнь Иванова нигдѣ не показываютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ мистицизма.

²⁾ Въ „Воспоминаніяхъ“ П. В. Анненкова (II. 1877, отд. I, стр. 205), говорится, что „въ великому соблазну А. А. Иванова, Гоголь объявилъ однажды, что извѣстная пушкинская сцена изъ Фауста выше всего Фауста Гете, вмѣстѣ взятаго“.

нымъ языкомъ; Ивановъ позже всёхъ насъ махнулъ на него рукой. Литература и политика его не занимали ¹⁾: онъ интересовался вопросами, касавшимися до искусства, до морали, до философіи. Однажды кто-то принесъ къ нему тетрадку удачныхъ каррикатуръ: Ивановъ долго ихъ разсматривалъ—и, вдругъ поднявъ голову, примолвилъ: «Христосъ никогда не смѣялся». Его вездѣ принимали съ радостью: одинъ видъ его лица съ широкимъ, бѣлымъ лбомъ, усталыми добрыми глазами, нѣжными, какъ у ребенка, щеками, заостреннымъ носомъ и забавно сложеннымъ, но пріятнымъ ртомъ—вызывалъ невольное сочувствіе и привѣтъ въ сердцѣ каждаго. Роста онъ былъ небольшого, приземистаго, плечистъ; вся его фигура отъ бородки клинушкомъ до пухлыхъ, короткопалыхъ ручекъ и проворныхъ ножекъ съ толстыми икрами—дышала Русью и ходилъ онъ русской походкой. Онъ не былъ самолюбивъ, но о своемъ трудѣ имѣлъ высокое понятіе: не даромъ же онъ положилъ въ него всё свои силы и надежды.

«Разговоръ коснулся Ватикана.

«Надо будетъ завтра опять туда пойти, замѣтилъ Боткинъ; а оттуда вы, по вчерашнему, приходите къ намъ обѣдать. (Мы съ Боткинымъ каждый день обѣдали въ Hôtel d'Angleterre, за общимъ столомъ).

—«Обѣдать?—воскликнулъ Ивановъ, и вдругъ поблѣднѣлъ.—Обѣдать! повторилъ онъ. Нѣтъ-съ, покорно благодарю; я и вчера едва живъ остался».

«Мы подумали, что онъ, шутки ради, намекаетъ на сдѣланное имъ наканунѣ излишество (онъ вообще ѣлъ чрезвычайно много и жадно) ²⁾—и начали уговаривать его.

—«Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, твердилъ онъ, все болѣе и болѣе теряясь:—я не пойду; тамъ меня отравятъ.

—«Какъ отравятъ?»

—«Да-съ, отравятъ, яду дадутъ.—Лицо Иванова приняло странное выраженіе, глаза его блуждали...

«Мы съ Боткинымъ переглянулись, ощущеніе невольнаго ужаса шевельнулось въ насъ обоихъ.

— «Что вы это, любезный Александръ Андреевичъ, какъ это вамъ яду дадутъ за общимъ столомъ? Вѣдь надо цѣлое блюдо отравить. Да и кому нужно васъ губить?»

— «Видно есть такіе люди-съ, которымъ моя жизнь нуж-

¹⁾ Насколько сильно современное политическое движеніе занимало Иванова, начиная съ 1847 и 1848 года, доказываютъ его письма и записныя книжки этого времени.

²⁾ Всѣ свидѣтельства, исключая одного настоящаго, а равно и письма сажого Иванова, доказываютъ, что онъ во всю свою жизнь былъ необыкновенно воздерженъ въ пищѣ и питьѣ.

на-съ. А что на счетъ цѣлаго блюда... да онъ мнѣ на тарелку подбросить».

— «Кто онъ?»

— «Да гарсонъ-съ, камеріеръ».

— «Гарсонъ?»

— «Да-съ, подкупленный. Вы итальянцевъ еще не знаете; это ужасный народъ-съ, и на это преловкіе-съ. Да меня вездѣ отравливали, куда я ни ѣздилъ. Здѣсь только одинъ честный гарсонъ-съ и есть—въ Falsone, въ нижней комнатѣ... на того еще можно пока положиться».

«Я хотѣлъ было возражать, но Боткинъ исподтишка толкнулъ меня колѣномъ».

— «Ну, вотъ что я вамъ предлагаю, Александръ Андреевичъ, началъ онъ:—вы приходите завтра къ намъ обѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало, а мы, всякій разъ какъ наложимъ тарелки, помѣняемся съ вами...»

«На это Ивановъ согласился, и блѣдность съ лица его сошла, и губы перестали дрожать, и взоръ успокоился. Мы послѣ узнали, что онъ, послѣ каждого слишкомъ сытнаго обѣда, бѣжалъ къ себѣ домой, принималъ рвотное, пилъ молоко».

«Бѣдный отшельникъ! Двадцатилѣтнее одиночество не обошлось ему даромъ.....»

«Мѣсяцевъ восемь спустя, въ не то знойный, не то холодный, кислый іюньскій день встрѣтилъ я Иванова на площади Зимняго Дворца, въ Петербургѣ, среди безпрестанно набѣгавшихъ столбовъ той липкой, сорной пыли, которая составляетъ одну изъ принадлежностей нашей сѣверной столицы. Онъ съ озабоченнымъ видомъ отвѣчалъ на мое привѣтствіе; онъ только-что вышелъ изъ Эрмитажа; морской вѣтеръ крутилъ фалды его мундирнаго фрака; онъ щурился и придерживалъ двумя пальцами свою шляпу. Картина его уже была въ Петербургѣ и начинала возбуждать невыгодные толки. Нѣсколько дней спустя, я уѣхалъ въ деревню, а недѣли черезъ двѣ дошла до меня вѣсть объ его кончинѣ... Вспомнился мнѣ тотъ суевѣрный ужасъ, съ которымъ онъ всегда отзывался о Петербургѣ и о предстоящей поѣздкѣ туда....»

V.

ВОСПОМИНАНІЯ К. Д. КАВЕЛИНА.

(ПИСЬМО КЪ В. В. СТАСОВУ, 1879 г.).

Вы просите меня сообщить подробности о моихъ свиданіяхъ съ А. А. Ивановымъ, и ссылаетесь на отзывы его, въ письмахъ къ брату Сергѣю, въ Римъ, о нашихъ бесѣдахъ. Примкнуть къ «Биографіи» и «Перепискѣ» Иванова, а тѣмъ болѣе вставить въ нее какое-нибудь путное слово, значило-бы вставить свое имя въ исторію русской культуры, а это мнѣ и всякому—лестно и дорого. Но во имя истины и правды мнѣ приходится молчать. Съ Ивановымъ я познакомился очень незадолго до его кончины, и видѣлся съ нимъ всего-на-всего раза три до его болѣзни. Никакихъ значительныхъ разговоровъ между нами не происходило. Ивановъ, сколько я замѣтилъ, былъ очень застѣнчивъ и скрытенъ. Изъ сношеній съ нимъ я видѣлъ, что онъ обо мнѣ хорошо думалъ, и желалъ со мной сблизиться, но сблизиться мы не успѣли. Надо замѣтить, что, по возвращеніи въ Россію съ картиною, онъ былъ въ безпрестанныхъ разѣздахъ по окрестностямъ Петербурга, что и было причиною, почему мы видѣлись рѣдко и не успѣли покороче познакомиться. Всего лучше и легче это дѣлается за обѣдомъ и послѣ обѣда; но Ивановъ, какъ вы, конечно, знаете, подозрѣвалъ всѣхъ и cadaго, что его хотятъ отравить (это рассказываютъ люди, стоявшіе къ нему очень близко), и потому самъ себѣ готовилъ кушанье, или приходилъ обѣдать въ кабачки неожиданно, мѣняя ихъ безпрестанно. У меня онъ, сколько помнится, не обѣдалъ ни разу, и я у него тоже. Намеки, въ его письмахъ къ брату, на «важные для него разговоры», у меня происходившіе, конечно, относятся къ совѣтамъ и указаніямъ исключительно практическаго свойства, которыя я ему дѣйствительно давалъ: къ кому и какъ обратиться, что и какъ дѣлать, чтобъ онъ самъ и его картина имѣли успѣхъ во вліятельныхъ и предрешающихъ сферахъ, и проч.

VI.

ВОСПОМИНАНІЯ В. В. СТАСОВА (1879 г.).

Въ 1852, 53 и 54 годахъ, я прїѣзжалъ въ Римъ, изъ Флоренціи, гдѣ тогда жилъ, разъ пять, и мнѣ никогда не удалось увидѣть Александра Иванова, не смотря на то, что я былъ очень близко къ съ его братомъ Сергѣемъ, и видался съ нимъ очень часто въ каждый свой прїѣздъ. То Александра Иванова не было въ Римѣ, то онъ, по своему тогдашнему обыкновенію, употреблялъ всѣ усилія, чтобы избѣжать новаго знакомства. Оба брата, Сергѣй и Александръ, жили не только въ одной квартирѣ, но даже въ одной комнатѣ, и кровати ихъ стояли рядомъ, но въ этой квартирѣ они и сами рѣдко встрѣчались и разговаривали, потому что братъ Александръ очень рано вставалъ и уходилъ въ свою мастерскую, а братъ Сергѣй спалъ утромъ дольше, и они расходились такимъ образомъ, не повидавшись другъ съ другомъ. Днемъ имъ случалось иногда обѣдать вмѣстѣ — всего чаще въ трактирѣ Falsone, но иногда и врозь, потому что Сергѣй Ивановъ либо долго работалъ, чертилъ и рисовалъ дома, либо проводилъ утро въ библиотекѣ «Minerva», или въ Археологическомъ Институтѣ, а потомъ обѣдалъ гдѣ-нибудь по близости, гдѣ случится. Вечеромъ, Александръ Ивановъ, въ 1846 г., еще неизмѣнно проводилъ часа 2—3 у Гоголя, куда Сергѣй Ивановъ не ходилъ, и лишь остальной вечеръ они иной разъ проводили вмѣстѣ, у своихъ хозяевъ, или у ихъ родственницъ, сестеръ Монтекки и Марини. Попасть въ мастерскую Александра Иванова и увидеть его картину — было еще труднѣе: самъ Сергѣй Ивановъ по цѣлымъ годамъ не бывалъ тамъ въ послѣднее время, развѣ что по особенному зову брата. Сергѣй Ивановъ мнѣ рассказывалъ тогда (и это же подтвердилъ впоследствии С. Л. Левицкій), съ какимъ трудомъ онъ добился увидеть брата, когда въ первый разъ прїѣхалъ въ Римъ изъ Парижа, весной 1846 года. У нихъ шла передъ тѣмъ самая оживленная переписка, Александръ Ивановъ ждалъ брата съ крайнимъ нетерпѣніемъ, и все-таки, когда Сергѣй Ивановъ, вмѣстѣ съ Левицкимъ, только что высадившись изъ дилижанса, пришли въ студию Александра, они нашли ее завертою на нѣсколько задвижекъ и на огромный замокъ.—С. Л. Левицкій, уже раньше того жившій въ Римѣ и знакомый съ Александромъ Ивановымъ, началъ стучаться и громко кликать его.

Нѣтъ отвѣта. Стали стучаться еще сильнѣе, кричать: «Отворите, отворите, Александръ Андреевичъ, — вашъ братъ Сергѣй прѣѣхалъ!» Тогда въ отверстіи, продѣланномъ въ полу лѣстницы, ведшей въ верхній этажъ, сдѣбалось вдругъ темно, чей-то глазъ оттуда посмотрѣлъ, раздались шаги по лѣстницѣ, засовы и замки отворились, тихо повернулася дверь на петляхъ, и показалась все еще недовѣряющая фигура Александра Иванова. Оба брата не узнали другъ друга. Они разстались 16 лѣтъ тому назадъ — сколько-же перемѣнъ произошло въ обоихъ! Одинъ выросъ изъ маленькихъ безцвѣтныхъ мальчиковъ, какимъ остался въ Петербургѣ, въ 1830 году, и являлся теперь крѣпкимъ, возмужалымъ юношей, сложившимся художникомъ, получившимъ большую медаль отъ Академіи и жадно ринувшимся на работу и розысканія; другой сталъ теперь зрѣлымъ художникомъ, прошедшимъ сквозь огонь мысли, несчастія, вдохновеній и разочарованій, — пріятель Гоголя, страстный обожатель Россіи и вовсе не обожатель русскихъ художниковъ въ Петербургѣ и Римѣ. Вся эта внутренняя работа наложила сильную печать на внѣшній обликъ каждаго изъ нихъ. Это были совсѣмъ другіе люди. Нѣсколько секундъ продолжалось недовѣріе Александра Иванова и разглядываніе новаго субъекта, выдаваемого ему за брата; наконецъ онъ убѣдился, что обмана нѣтъ, и съ радостными слезами бросился обнимать своего дорогаго Сережу, повелъ его въ студию, показывалъ картину, и снова обнималъ и цѣловалъ его, среди прерывистыхъ разсказовъ. Потомъ онъ поселилъ его въ своей комнатѣ, и тамъ они вмѣстѣ прожили, рядомъ, цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. При такомъ недовѣрїи, при такой подозрительности и предосторожности даже къ самому близкому человѣку, каковы-же должны были быть у Александра Иванова недовѣріе, и подозрительность, и предосторожности къ постороннимъ?

Итакъ, я не видалъ Александра Иванова въ Римѣ. Но за то сколько я о немъ наслушался отъ Сергѣя Иванова! Младшій братъ относился къ старшему не только съ безпредѣльной любовью и удивленіемъ къ его таланту, знаніямъ, но еще съ глубокою почитательностью, какъ къ тому человѣку, который, сколько ни былъ занятъ своимъ собственнымъ громаднымъ дѣломъ, но ни единой минуты все-таки не переставалъ думать и хлопотать о его образованіи и возвышеніи. Александръ Ивановъ въ первое же время сталъ водить брата Сергѣя по всему Риму и его окрестностямъ, познакомилъ его съ бібліотекарями лучшей бібліотеки въ Римѣ — «alla Minerva», съ ориенталистомъ Ланчи, и постоянно разговаривалъ съ нимъ, когда они бывали вмѣстѣ, о его научныхъ за-

нятіяхъ. Только что проходилъ слухъ о какихъ-нибудь новыхъ раскопкахъ въ Римѣ или его окрестностяхъ, Александръ Ивановъ тотчасъ посылалъ туда брата Сергѣя; когда же происходили какія-нибудь новыя открытія въ катакомбахъ, онъ непременно тотчасъ отправлялся туда и самъ, надѣясь увидать новыя древне-христіанскіе типы, особенно изображенія Христа и апостоловъ, занимавшія его всего болѣе.

Александръ Ивановъ разсказывалъ съ негодованіемъ брату Сергѣю про «гусарское» поведеніе нашихъ художниковъ, про ихъ попойки и вѣчныя карты, про ихъ буйныя скачки верхомъ, подъ хмѣлекъ, въ Альбано или Фраскати—отъ скуки, отъ праздности, отъ разгулявшагося безалабернаго молодечества; про ихъ шумныя и крикливыя бесѣды отъ безпредѣльной внутренней пустоты; про то, какъ иные, напившись до безчувствія, засыпали на Piazza del Popolo, на ступеняхъ обелиска, и просыпались рано по утру нагіе, потому что ихъ обчистили ночные воры, и приходилось идти стучать въ дверь къ ближайшимъ знакомымъ, чтобъ, ради Бога, поскорѣй имъ выбросили рубашку въ форточку, не то полиція накроетъ и заберетъ; про то, какъ другіе товарищи, тоже натянувшись мертвецки пьяные, попадали въ широкіе бассейны фонтановъ, на улицѣ, и ихъ потомъ вытаскивали оттуда еле-живыхъ;—наконецъ, десятки анекдотовъ такого-же интереснаго свойства: все это наполняло строгихъ, серьезныхъ Ивановыхъ глубокимъ негодованіемъ и отвращеніемъ, и они сторонились отъ большинства русскихъ пенсіонеровъ, какъ отъ людей, можетъ быть и не безталанныхъ, милыхъ и добрыхъ, но пустыхъ, сильно-глуповатыхъ и лишенныхъ всякаго интеллектуальнаго стремленія.

Разсказывалъ мнѣ тогда Сергѣй Ивановъ и про превосходныя акварели, сдѣланныя въ 1844 году Штернбергомъ для альбома Кривцова, инспектора русскихъ художниковъ въ Римѣ, человѣка очень хорошаго, и любимаго всѣми вообще нашими художниками. Тутъ было не мало талантливыхъ и очень остроумныхъ каррикатуръ на многихъ тогдашнихъ русскихъ пенсіонеровъ въ Римѣ. Такъ напримѣръ, Ѳ. И. Іорданъ (нынѣ ректоръ Академіи Художествъ), за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ воротившійся изъ Лондона, гдѣ прожилъ 6 лѣтъ, былъ представленъ совершеннымъ англомагомъ по костюму и фигурѣ; у него въ рукахъ — маленькій пароходикъ; онъ загнутымъ назадъ большимъ пальцемъ точно толкуетъ всѣмъ: «Вотъ-моль, какъ у насъ, тамъ, въ Лондонѣ—а не то, что ваши дрянныя лодчонки здѣсь, на Тибрѣ!» Живописцы Завьяловъ и Шампинъ представлены были, въ вѣнцахъ и обнявшись, летящими въ Россію, между тѣмъ

какъ толстыя бобелины ревутъ вдали, утирая кулаками слезы. Граверъ Пищалкинъ былъ изображенъ, какъ онъ во снѣ видитъ, съ умильной миной, танцовщицу Черито, съплюющую на него «слатенькіе пирожки» (его страсть), и дотрогивающуюся до него кончикомъ своей балетной ножки. Еще былъ изображенъ тутъ Орвіетскій соборъ, идущій на 8-ми ногахъ и протягивающій Кудрявцеву, изнутри своихъ стѣнъ, 8 рукъ, просящихъ у инспектора денегъ — это была аллегорія четырехъ русскихъ архитекторовъ: Рязанова, Бенуа, Кракау и Росси, срисовывавшихъ знаменитый Орвіетскій соборъ и часто нуждавшихся въ деньгахъ. Наконецъ, въ числѣ другихъ каррикатуръ, былъ также представлень и Александръ Ивановъ, какъ онъ, съ большими глазами, въ очкахъ, нахлобучивъ огромную шляпу, закинувъ на плечо плащъ, изъ подъ котораго высовывается сюртукъ, обдерганные панталоны, и коренастыя ноги въ башмакахъ, идетъ зимой, по Рипеттѣ, опираясь на суковатую палку. Вотъ какимъ тяжеловѣснымъ брюзгой и скучнымъ пустыннымъ представлялся Ивановъ веселому хору русскихъ порхающихъ художниковъ. Онъ, навѣрное, крѣпко имъ не нравился, они должны были непременно провожать своими насмѣшками и подтруниваньемъ этого суроваго, строгаго, сосредоточеннаго въ себѣ аскета ¹⁾).

Александръ Ивановъ ни разу не видалъ меня въ Римѣ, но зналъ отъ брата Сергѣя, какъ я восхищался этимъ послѣднимъ, его чудесной, симпатичной натурой, его талантливыми реставраціями Помпеи, термъ Каракаллы и Діоклетіана, которыхъ рисунки я всѣ тогда же видѣлъ, въ 1852 и 1853 годахъ; онъ зналъ, какія надежды я возлагалъ на Сергѣя, какъ на архитектора, совершенно выходящаго изъ ряда вонъ между всѣми нашими. По всему этому я казался ему человѣкомъ не совсѣмъ чужимъ, такъ что, прѣхавъ въ 1858 году въ Петербургъ, онъ пришелъ ко мнѣ, 2 іюня, въ Публичную Библиотеку, какъ уже къ старинному знакомому, и прямо заговорилъ со мной про своего брата Сергѣя, столько для насъ обоихъ дорогаго и интереснаго. Въ то время я уже разъ видѣлъ новую картину Иванова въ Зимнемъ Дворцѣ, по особому благоприятному случаю — всю публику еще тогда не пускали смотрѣть картину, — и я, конечно, тотчасъ же заговорилъ съ Ивановымъ про его созданіе. Мнѣ эта картина, несмотря на ея шероховатый и жесткій

¹⁾ Послѣ смерти Кривцова, весь художественный альбомъ его перешелъ по наслѣдству къ Мих. Мих. Орлову, женатому на его дочери. Я видѣлъ у С. Л. Левицкаго нѣкоторые фотографическіе снимки оттуда.

колорить, казалась великимъ произведеніемъ искусства, и меня только самымъ невыразимымъ образомъ бѣсили нелѣпые отзывы публики, которыхъ тогда довольно-таки ходило по городу, всё эти разносимые съ такимъ аппетитомъ по всѣмъ домамъ смѣшки и подтруниванья людей апатичныхъ или глухыхъ. «Да это не апостолы и вѣрующіе, а просто семейство Ротшильдовъ!» самодовольно повторялъ, гдѣ только могъ, извѣстный тогда поэтъ Тютчевъ. «Что за краски! что за gobelеновскій коверъ!» твердилъ всѣмъ въ уши одинъ извѣстный петербургскій болтунъ, летавшій со своимъ неутомимыхъ жужжаньемъ изъ дому въ домъ, всего чаще къ графу Кушелеву-Безбородко, гдѣ тогда гостила и ораторствовала колоссальная европейская знаменитость—самъ великій Alexandre Dumas! Мнѣ было ужасно досадно на всю эту чепуху, на всю эту публику, еще новый разъ отвернувшуюся отъ всего самаго важнаго въ отечественномъ искусствѣ и у своихъ художниковъ. Какъ не задолго передъ тѣмъ то-же самое было на моихъ глазахъ и съ Глинкой, и съ Даргомыжскимъ! Я помнилъ очень хорошо, какъ всего только два года назадъ, я провожалъ, за пламбаумъ Петербурга, Глинку, ѣхавшаго (въ послѣдній разъ) за границу, и слышалъ, что такое онъ сказалъ и сдѣлалъ тутъ, разставаясь навсегда съ отечествомъ, принесшимъ ему только горе и боль, и прахъ котораго онъ отряхалъ съ себя въ послѣдній разъ. Я былъ полонъ негодованія на этотъ все одинъ и тотъ-же, поминутно повторяющійся, ничѣмъ неисправимый фактъ. Увидавъ теперь, наконецъ, самого Иванова, я не могъ удержаться, чтобъ тотчасъ-же не высказать ему и свой восторгъ отъ его картины, гдѣ для меня существовало столько совершенствъ, и мою злобу на печальную нелѣпость большинства публики. И тутъ, я живо это помню, Ивановъ меня поразилъ своимъ широкимъ, великодушнымъ взглядомъ. Я не могу теперь, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, привести подлинныя его слова, но смыслъ ихъ былъ тотъ, что отчего-же винить сейчасъ публику, а не лучше-ли взглядѣться хорошенько въ ея слова и мысль—можетъ быть, она и права, нападаая на его картину; что онъ и самъ теперь видитъ, что иное въ ней не такъ, и будь онъ моложе, принимайся онъ за эту самую картину теперь, онъ многое сдѣлалъ-бы совершенно иначе. Но я ему отвѣчалъ съ величайшимъ одушевленіемъ, что я не знаю, что такое онъ могъ-бы сдѣлать иначе и лучше, но то, что есть въ его картинѣ дѣйствительно хорошаго, такъ хорошо, такъ высоко, что уже ни съ чѣмъ на свѣтѣ сравнено быть не можетъ, и ничего подобнаго нигдѣ и ни у какого живописца я не видалъ. Я всего болѣе рассказывалъ ему, со всѣмъ жаромъ, къ какому только

былъ тогда способенъ, про то неописуемое впечатлѣніе, которое производилъ на меня его Іоаннъ Креститель. Лѣтъ за семь передъ тѣмъ я былъ въ Лондонѣ, и много часовъ провель передъ знаменитыми гамптонъ-кортскими картинами Рафаэля, которые мнѣ тогда казались (да и теперь кажутся) лучшими, совершенѣйшими и значительнѣйшимъ созданіемъ этого итальянскаго художника. Я рассказывалъ Иванову, что одною изъ самыхъ удивительныхъ фигуръ въ этихъ превосходныхъ, по своему времени, композиціяхъ мнѣ всегда казалась великолѣпная фигура апостола Павла, проповѣдующаго въ Аѳинахъ передъ толпою народа: и поза, и живое движеніе поднятыхъ рукъ, и обращеніе къ слушающимъ, и легка возвысившаяся голова, наконецъ превосходная даже драпировка этой фигуры, все это навѣки запало у меня въ памяти и глубоко лежало у меня въ воображеніи. «И все-таки я нахожу,—говорилъ я Иванову,—что вашъ Іоаннъ Креститель куда выше Рафаэлевскаго апостола Павла! Это могучее вдохновеніе, этотъ восторгъ проповѣдника, поднятаго и унесеннаго вихремъ энтузіазма, этотъ огонь въ глазахъ—гдѣ еще, кромѣ вашей чудесной картины, увидишь что-нибудь подобное? Да гдѣ и искать! Вѣдь прежніе живописцы всего меньше думали о томъ, что всего важнѣе. Доброе моральное чувство, благочестіе, всяческія кротости и самоуниженія, граціи—развѣ кто-нибудь изъ нихъ дальше этого ходилъ?» Ивановъ не совсѣмъ-то со мной соглашался, и ему понемножку придакивалъ И. И. Горностаевъ, мой тогдашній пріятель, тоже служившій въ Публичной Библіотекѣ, и именно при художественномъ отдѣленіи; Ивановъ указывалъ мнѣ на старыхъ флорентинцевъ XIV-го и XV-го вѣка, которыхъ я и самъ до страсти любилъ, потому что цѣлыхъ три года безъ перерыва видѣлъ ихъ у себя, во Флоренціи, передъ глазами, и изучилъ довольно основательно, но все-таки я не могъ сравнивать ихъ дѣтскаго, робкаго чувства, ихъ все-еще, несмотря на весь талантъ, безпомощной неумѣлости, съ тѣмъ великолѣпиемъ чувства, вдохновенія и глубокаго душевнаго выраженія, какое я находилъ у него въ картинѣ. Ивановъ, повидимому, отчасти былъ доволенъ, что есть тоже и въ Петербургѣ люди, которые придаютъ великое значеніе его картинѣ, и, просмотрѣвъ нѣсколько книгъ съ рисунками, которыя я ему показывалъ, сказали, что придется еще поговорить со мной, и посмотрѣть тѣ изданія, которыя я обѣщаль ему приготовить. Уходя, онъ мнѣ съ Горностаевымъ сказали, что на память о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое въ немъ оставила Библіотека, онъ дарить ей большую фотографическую копію съ своей картины. Это одна изъ тѣхъ превосходныхъ фотографій, кото-

рыя онъ привезъ съ собою изъ Рима, и которыя составляютъ теперь величайшую рѣдкость, потому что стекло лопнуло послѣ 30 оттисковъ. Эта фотографія находится теперь въ фотографическомъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки, съ собственноручною надписью Иванова.

Скоро послѣ того, 9-го іюня, Ивановъ перенесъ свою картину изъ Зимняго Дворца въ Академію Художествъ, а 10-го разставилъ вокругъ нея всѣ свои этюды, не бывшіе во дворцѣ, и до тѣхъ поръ хранившіеся на квартирѣ у М. П. Боткина — все это потребовало много хлопотъ, много времени. Понятно, что Иванову было тутъ не до Библіотеки, и онъ нѣсколько недѣль къ намъ и не заглядывалъ. Въ это время я нѣсколько разъ встрѣчалъ его у его картины, тихо и скромно прохаживающимся среди этюдовъ; почти никто его не зналъ изъ среды публики, такъ какъ портретовъ его издано не было, и онъ являлся какимъ-то совершеннымъ *Incognito* среди великолѣпной, имъ созданной галлерей. Рѣдкіе знакомые его, всѣ сильно сочувствовавшіе и ему, и его произведеніямъ, съ удивленіемъ встрѣчали его среди толпы народа. Онъ съ ними отходилъ въ сторонку, и тутъ я видалъ, какъ иные изъ самыхъ интеллигентныхъ и выдающихся русскихъ ученыхъ и литераторовъ съ оживленіемъ разговаривали съ нимъ въ уголку, вполголоса, жали ему руки. Ивановъ оставался серьезенъ и молчаливъ, кланялся, улыбался, и снова продолжалъ свою одинокую прогулку. Когда мнѣ случалось съ нимъ тутъ встрѣтиться, онъ всегда говорилъ, что непременно-непременно придетъ къ намъ въ Библіотеку, и скоро.

Это наконецъ исполнилось. Ивановъ пришелъ въ Библіотеку, во второй и послѣдній разъ, — 23 іюня, т.-е. недѣли за полторы до своей неожиданной смерти. Еще въ первый свой приходъ, Ивановъ сказалъ мнѣ, чего ему хочется, чего бы онъ желалъ, чтобъ я ему поискалъ: старѣйшія, какія только есть, изображенія Христа. Отвѣчать на такой запросъ сразу было, конечно, немножко трудно, и я обѣщался приготовить къ слѣдующему разу все, что только можетъ найтись, въ этомъ родѣ, въ нашей Библіотекѣ. Однако, уже и въ первое наше свиданіе я ему показалъ весь отдѣлъ, касающійся Христа, въ извѣстномъ иконографическомъ сочиненіи Дидрона: «*Histoire de Dieu*». Оказалось, что почти все находящееся въ Італіи по этой части: фрески, древнехристіанскія скульптуры, рисунки манускриптовъ, рѣзбу на слоновой кости, и т. д., Ивановъ уже давно знаетъ и видѣлъ; однакожъ нашлось кое-что и новое для него. Все-жъ остальное, всѣ памятники искусства съ изображеніями Христа, находящіеся въ Германіи и во Франціи, были ему вовсе неизвѣстны, и

онъ ихъ разсматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Ко второму нашему свиданію я приготовилъ ему множество изданій съ фресками катакомбъ и церковей, съ рисунками изъ рукописей и т. д. Особенно онъ разсматривалъ съ любопытствомъ превосходное изданіе Ramboux: «Umrisse zur Veranschaulichung alt-christlicher Kunst in Italien». Показывалъ я ему еще множество другихъ подобныхъ-же увражей, переводилъ ему съ нѣмецкаго (такъ какъ онъ по-нѣмецки вовсе почти не зналъ) безъ малаго всѣ параграфы о древнѣйшихъ изображеніяхъ Христа изъ «Исторіи живописи» Куглера—тутъ онъ тоже инаго еще не зналъ, но все главное было ему уже извѣстно, и самымъ основательнымъ образомъ: римскія и неаполитанскія катакомбы, всѣ стариннѣйшія мозаики южной и средней Италіи, старѣйшія фрески, — всѣ, чтѣ только можно было найти въ этихъ же мѣстностяхъ, — все это было ему извѣстно какъ свои пять пальцевъ, и мнѣ оставалось только изумляться громаднымъ знаніямъ живописца по такой части, которая художникамъ обыкновенно вовсе неизвѣстна. Потому, его сильно заинтересовало сочиненіе Вейса: «Kostümkunde», котораго первые листы тогда только-что начинали показываться. И тутъ я былъ удивлень тѣмъ, что его необыкновенно заинтересовали не одни еврейскіе костюмы, — которыхъ образчики были, впрочемъ, очень скудны, — но и все искусство египетское и ассирійское. Онъ нѣсколько разъ повторялъ: «Это очень интересно-съ; надо будетъ приобрѣсти книгу; надо будетъ поучиться. Тутъ много-съ, тутъ много-съ есть». Видя крайнее его любопытство по этой части, я поспѣшилъ принести ему оба меньшія сочиненія Лаярда: «Nineveh and Babylon», и «Nineveh and its remains». Онъ перелистовалъ съ большимъ вниманіемъ, и ничего не говоря, всѣ четыре тома. Наконецъ, рѣчь пошла у насъ и о новомъ нѣмецкомъ искусствѣ. Говорили и про Овербека, котораго я довольно уважалъ, за его рафаэлевскую или перуджиніевскую красоту и грацію, и про Корнеліуса, котораго я всегда терпѣть не могъ за его деревянность и безконечное художественное притворство и условность. Ивановъ защищалъ ихъ, какъ «мыслителей» нашего вѣка, чего онъ вовсе не находилъ у другихъ художниковъ новаго времени. Впрочемъ, онъ ихъ защищалъ не особенно ревностно: видно было, что они уже перестали быть для него тѣмъ, чѣмъ были когда-то, во время оно. Я, конечно, возражалъ, что мыслители мыслителями, это очень хорошо (хотя, признаться, я особенно великихъ мыслей у нихъ не находилъ, а только-что нѣмецкія, доктринерскія), но во всякомъ случаѣ искусство должно существовать не одними мыслями, но и фор-

мой, внѣшностью, а ея-то вовсе и нѣтъ у Овербека съ Корнеліусомъ, особенно у послѣдняго. Наши разговоры продолжались въ этомъ родѣ довольно долго, Ивановъ спокойно выслушивалъ меня, тихо прохаживаясь по небольшой художественной залѣ Библиотеки, подмигивая, по всегдашнему, однимъ глазомъ, и изрѣдка останавливаясь передъ длиннымъ узкимъ столомъ на тоненькихъ ножкахъ, на которомъ лежали разложенные для него большіе фоліанты. Онъ спорилъ довольно охотно, не прячась и не ёжась, какъ всегда бывало разсказывали про него, спокойно высказывалъ свое мнѣніе, многое спрашивалъ, и только часто повторялъ любимое свое слово: «Это интересно-съ, это очень интересно-съ».

Но одинъ разъ, во время нашей бесѣды, голосъ его сильно возвысился и онъ почти-что началъ сердиться. Это было, когда я сталъ вдругъ говорить ему про Каульбаха, въ противоположность Овербеку и Корнеліусу, и указывалъ на его, казавшееся мнѣ столько дорогимъ, стремленіе приблизиться къ природѣ—въ его чудесныхъ иллюстраціяхъ къ «Reineke Fuchs» Гёте. Ивановъ вовсе не зналъ этихъ рисунковъ, я тотчасъ принесъ великолѣпно-изданную книгу, въ то время такъ часто мною разсматриваемую, и мы принялись перелистывать ее вмѣстѣ. Я второпяхъ разсказывалъ Иванову и содержаніе поэмы, и содержаніе каждаго отдѣльнаго рисунка, и высказывалъ свое восхищеніе столько живымъ изображеніямъ львовъ, зайцевъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей и обезьянъ, ословъ и быковъ, передѣланныхъ въ людей; наконецъ, разсказывалъ и тѣ карикатуры, которыя тутъ въ разныхъ мѣстахъ подѣланы на сцены Дженелли изъ его извѣстной, дже-классической «Одиссеи». Сначала Ивановъ разсматривалъ книгу Каульбаха съ удивольствіемъ, и признавалъ талантливость въ изображеніи людей подъ видомъ звѣрей; но у него совершенно лицо перемѣнилось, когда онъ услышалъ, что тутъ рѣчь идетъ о «карриатурахъ»: это его сердило, это его приводило въ негодованіе. Такъ всегда бываетъ съ натурами, подобными Иванову: все, выходящее изъ предѣловъ строгаго, важнаго, самаго серьезнаго настроенія — имъ непонятно, имъ враждебно. Шутка, юморъ, комизмъ—глубоко имъ неприятны и чужды.

Но еще хуже вышло дѣло, когда я сталъ говорить о моемъ уваженіи къ тому роду живописи, что называется «бытовою» живописью, жанромъ, и о томъ, что я тутъ жду самыхъ великихъ успѣховъ и торжествъ живописи. Я указывалъ съ восхищеніемъ на Федотова, котораго лично зналъ, и котораго главная картина, «Сватовство маіора», писалась почти на моихъ глазахъ. Оказалось, что Ивановъ Федотова не видалъ ни единой черточки, и не имѣлъ о немъ ни ма-

лѣйшаго понятія. Впрочемъ, «по слышанному отъ знакомыхъ», говорилъ онъ, «я готовъ вѣрить его истинному таланту и успѣху. Но только это можетъ быть исключеніе. Однако, вообще «жанры»—что это за живопись? Развѣ это живопись?» Тутъ уже Ивановъ совсѣмъ сдѣлался недоволенъ—я видѣлъ, какъ онъ хмурится, съеживается, уходитъ въ свою раковинку. Я не зналъ тогда его образа мыслей, и не могъ подозрѣвать, что такой поворотъ преній можетъ возмущать его. Но, замѣтивъ неудовольствіе его, я поспѣшилъ переменить разговоръ, и навести его на то, что ему было приятно, дорого или интересно. Онъ опять прояснѣлъ, опять сталъ милъ, лобезенъ и привлекателенъ всѣмъ своимъ симпатичнымъ существомъ. Онъ провелъ у насъ въ Библиотекѣ добрыхъ часа 4, и дружески распрощался съ нами, обѣщая придти еще не разъ—до отъѣзда въ Палестину и Римъ.

Но это не исполнилось. Неприятности пошли за неприятностями для него, и 3-го іюля его уже не стало.

Въ августѣ того же года, М. П. Боткинъ, послѣ тысячи моихъ просьбъ, пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ, меня и И. И. Горностаева, посмотреть альбомы, привезенные Ивановымъ съ собою изъ Рима, и заключавшіе нѣсколько сотъ его рисунковъ на сюжеты изъ Библии и Евангелія. Мы такъ и ахнули съ Горностаевымъ. И этотъ Ивановъ просилъ у насъ посмотрѣть то и другое, типы и костюмы, архитектуру и ландшафты, когда уже давнымъ-давно ему было извѣстно все, что только ему было нужно, и Египеть, и Ассирія, и Палестина! Да еще какъ извѣстно!—какъ, быть можетъ, ни одному другому художнику въ цѣлой Европѣ. Мы были поражены. У насъ просто руки опустились. Чего онъ еще хотѣлъ, чего ему еще нужно было? Чего онъ искалъ, чего онъ спрашивалъ? И какой странный человѣкъ! Неужели онъ до такой степени самъ себя не зналъ, самъ себѣ не довѣрялъ? А какой геній, какое могучее творчество проявлялись тутъ, въ этихъ рисункахъ, передъ нашими глазами!

Цѣлый вечеръ мы разматривали эти чудные, эти небывалые рисунки. На другой день, встрѣтившись снова въ маленькой художественной залѣ Публичной Библиотеки, мы, съ И. И. Горностаевымъ, вдругъ рассказали другъ другу, что оба мы не спали всю ту ночь ни единой минуты. Насъ словно обухомъ наканунѣ прихлопнуло.

VII.

ВОСПОМИНАНІЯ С. А. ИВАНОВА.

(письмо къ в. в. стасову) ¹⁾.

Римъ, 15 (3) мая 1862.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ! Вы просите не отказать сдѣлать вамъ объясненія насчетъ посланнаго списка композицій моего брата ²⁾. Съ большимъ удовольствіемъ сообщу вамъ все, чтò знаю.

Ал. Андр. Ивановъ пріѣхалъ въ Италію въ 1831 году. Въ 1836 была имъ послана въ Россію картина «Магдалина». Въ промежуткѣ этого времени былъ имъ сдѣланъ картонъ съ Микель-Анджелова «Сотворенія человѣка», и къ этому же времени принадлежатъ слѣдующія композиціи, поименованныя въ *Отдѣльныхъ рисункахъ*:

«Аполлонъ, Кипарисъ и Гіацинтъ»—краснымъ карандашомъ.

Этотъ-же сюжетъ, но масляными красками (эскизъ той самой картины, чтò у г. Самарина ³⁾ въ Москвѣ).

На ту же картину—картонъ карандашомъ (въ величину картины).

«Іосифъ и жена Пентефрія»—оттушеванные карандашомъ.

«Ахиллесъ, укоряющій Париса»—карандашомъ.

«Находятъ чашу у Веніамина»—5 рисунковъ карандашомъ, 1—тронутый сеіей, 2—масл. красками, довольно оконченныя. «Сусанна» (3 фигуры)—карандашомъ.

Во всѣхъ этихъ композиціяхъ,—кромѣ «Аполлона, Кипариса и Гіацинта», въ которой видѣнъ переходъ,—слышна еще Академія и рисунокъ старыхъ академическихъ профессоровъ.

Во времени перваго пріѣзда въ Римъ Маріи Николаевны съ Лейхтенбергскимъ, а потомъ Наслѣдника (нынѣ Императора), относятся всѣ сюжеты изъ новѣйшаго римскаго быта, какъ-то всѣ находящіяся у меня эскизы октябрьскихъ праздниковъ: у Ponte-Molle, у Testaccio, на частной loggia; «Пристань на Ripetta съ угловой Мадонной и поющей [передъ нею] *Ave Maria* толпой»; «Женихъ *compagnolo*, выбирающій серьги для своей невесты». Всѣ эти композиціи были сдѣланы аква-

¹⁾ Отрывки изъ этого письма были напечатаны въ „Пчелѣ“ 1875, № 24, стр. 294—295, но съ нѣкоторыми перемѣнами въ текстъ и при томъ безъ объясненія, кому именно было адресовано это письмо.

²⁾ Списокъ этотъ печатается нами ниже, въ „Приложеніяхъ“.

³⁾ Картина эта находится теперь у наслѣдниковъ А. С. Хожякова.

релью, въ альбомы: Маріи Николаевнѣ, Наслѣднику (нынѣ Императору), Гоголю и имъ подаренный Смирновой, Жуковскому и др.

№ 48 въ *Отдѣльныхъ рисункахъ*, «Се агнецъ Божій», ^{13 верш. высоты}_{20 верш. длины}, тщательно оттушеванный карандашомъ, есть ни что иное, какъ первая мысль его большой картины, очень похожая на эскизы масляными красками, находящійся у Дм. Петр. Боткина, въ Москвѣ.

№№ 33—40 въ *Отдѣльныхъ рисункахъ*, представляющіе «Воскресеніе изъ мертвыхъ», компонованы для запрестольнаго образа церкви Спаса въ Москвѣ, незадолго до моего пріѣзда въ Римъ, т.-е. въ 1845 году. Братъ мнѣ говорилъ, что К. А. Тонъ, недовольный К. П. Брюловымъ, хотѣлъ дать эту работу моему брату, вслѣдствіе чего онъ и пріготовилъ эти эскизы, и чуть-было не показали ихъ Императору Николаю, въ бытность его въ студиі брата, въ концѣ 1845 года ¹⁾. Характеръ этой композиціи—чисто церковный, греко-византійскій. Самый послѣдній, или больше выработанный, ^{10¹ верш. ширины}_{15 верш. высоты}, довольно окончательно сдѣланъ акварелью и гвашью.

Все вышеупомянутое было имъ сдѣлано до моего пріѣзда. Въ 1846 году я пріѣхалъ въ Римъ, и засталъ брата сильно работающимъ свою картину, въ которой было почти все написано, за исключеніемъ: цѣлой фигуры Іоанна Крестителя, оставшейся лишь протертой тердесіеномъ, [и] фигуры раба, стоявшей въ другомъ поворотѣ, какъ видно еще и теперь изъ нѣкоторыхъ эскизовъ; вытѣзающій изъ воды [мальчикъ] и за нимъ стоящій старикъ, въ лѣвомъ углу,—были въ подмалеванномъ видѣ.

1848 годъ, памятный всѣмъ бывшимъ въ то время художникамъ въ Римѣ, положилъ замѣчательный предѣлъ. Не только нечего было думать о какихъ-либо вспоможеніяхъ со стороны правительства, но существовало на дѣлѣ приказаніе выѣхать изъ Италіи, даже и тѣмъ, кто желалъ остаться на свой счетъ, какъ я, напримѣръ. Въ такихъ обстоятельствахъ картина была почти оставлена за недостаткомъ средствъ, и съ этого года онъ началъ дѣлать рисунки, которые и составляютъ всѣ альбомы и часть на отдѣльныхъ листахъ. Въ особенности побудило брата къ этому еще вотъ что: онъ увидѣлъ, что на имѣвшіяся у него деньги (у насъ въ 1848 г.

¹⁾ Изъ писемъ самого А. А. мы узнаемъ, что онъ дѣлалъ эти эскизы въ началѣ 1845 г. и что Тонъ отдалъ заказъ Брюлову, когда они уже были сдѣланы, въ мартѣ того же года; Императоръ же Николай былъ въ Римѣ въ декабрѣ того года.

скончался отецъ, оставивъ каждому по 3000 серебромъ) картины не кончить какъ слѣдуетъ, ибо, приближаясь къ окончанію, требовались сильныя издержки на модели; композиціи же, которыми онъ занялся, не требовали издержекъ ни на модели, ни на краски. Онъ предпочелъ дѣлать ихъ, выжидая лучшаго времени, наступленіе котораго онъ, однакожь, не предполагалъ, чтобы могло продлиться такъ долго.

Теперь мнѣ слѣдуетъ выразить вамъ, въ чемъ состояла мысль брата, чтобы тѣмъ самымъ пояснить и пониманіе того, что, повидимому, показалось вамъ аномальнымъ, пробѣгая длинный и сухой списокъ заглавій альбомныхъ сюжетовъ.

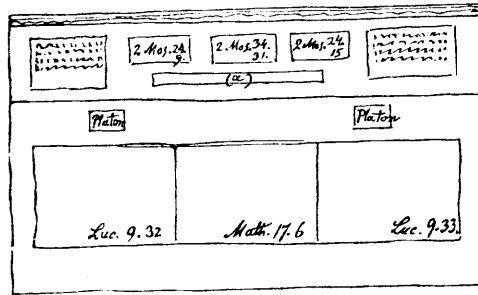
Итакъ, мысль брата была: сдѣлать въ композиціяхъ жизнь и дѣянія Христа. Проектировалось исполненіе всего, живописью, на стѣнахъ, въ особу на тѣ посвященномъ зданіи, разумѣется, не въ церкви. Сюжеты располагались слѣдующимъ образомъ: главное и большое поле каждой стѣны должна была занимать картина, или картины, замѣчательнѣйшаго происшествія изъ жизни [Христа]; сверху же ея, или ихъ (такъ сказать—по бордюру, хотя это слово не совсѣмъ тутъ вѣрно), должны были быть представлены, но въ гораздо меньшемъ размѣрѣ,—относящіяся къ этому происшествію или нарощія на него впослѣдствіи преданія или сказанія, или сюжеты на тѣ мѣста Ветхаго Заветъа, въ которыхъ говорится о Мессіи, или происшествія подобныя, случившіяся въ Ветхомъ Заветѣ, ит. д.

Такъ, напримѣръ, на одной стѣнѣ помѣщены внизу, рядомъ,—4 большихъ [картины], представляющихъ [моменты]: 1) Христосъ съ Маріей, 2) Христосъ, тронутый при видѣ плачущей Маріи, 3) Христосъ, молящійся до воскресенія Лазаря, 4) «Лазарь, возстани!»—всѣ четыре сюжета взяты изъ Еванг. Іоанна, гл. XI, ст. 22, 33, 42, 44. Надъ ними, въ меньшемъ размѣрѣ, другіе сюжеты воскресенія, какъ-то: изъ Мате. 9, 24; Луки 8, 51; Луки 7, 14; Луки 7, 15. Поверхъ всего, по бордюру, въ маломъ размѣрѣ: Ілія воскрешаетъ мальчика, Елисей воскрешаетъ сына Сунамитянки, Воскресеніе мертваго отъ прикосновенія къ костямъ Елисея, и др.

Для примѣра же я вамъ начерчу здѣсь одну изъ стѣнъ, взятую изъ одного альбома, которая вамъ дастъ ясное понятіе.

Тутъ, какъ видите, на стѣнѣ 3 большія картины изъ Евангелія—Преображеніе. На верху—3 малыхъ изъ 2-й книги Моисея, т. е. [изъ] Исхода. Справа и слѣва надписи: одна — изъ Исаи 52.7, другая изъ Малахіи 4.5.—Въ длинной полосѣ (а)—тоже надписи: изъ Псалма 2.7, изъ Исаи 42.1 и изъ Deuteronomie [т. е. Второзаконія] 18. 15.—Сверхъ того два продолговатыхъ [отдѣленія], на которыхъ просто написано: «Platon»—что онъ тутъ хотѣлъ помѣстить, не могу вамъ ска-

затѣ. Сыщите всѣ эти мѣста въ Библии, и вы получите полное понятіе: 2 Mos. 24. 15, и подобное, значить—2-я книга Моисея, гл. 24, ст. 15, и т. д.

Эти композиціи, наполняющія всѣ альбомы и большую часть отдѣльныхъ рисунковъ, рождались, набрасывались углемъ и потомъ отдѣльвались, такъ сказать, всѣ разомъ, одновременно. Все это происходило въ продолженіи 8-ми лѣтъ, то есть съ 1849 до начала 1858—года его поѣздки въ Петербургъ и кончины. Что это такъ, тому довольно доказательствъ: первымъ и главнымъ, конечно, служить самый рисунокъ, освободившійся отъ всякой манерности и сдѣлавшійся легкимъ и покорнымъ выраженію мысли. Многіе изъ рисунковъ были смыты и перетронуты. Зная теперь мысль брата, вамъ не трудно будетъ понять, что эти сюжеты не были сюжеты каприза, начатые и брошенные, какъ это бывало до сихъ поръ у художниковъ, а напротивъ они всѣ должны были быть подведены къ концу, ибо они входили какъ части въ цѣлое. Хотя я и сказалъ, что отдѣльвались всѣ композиціи какъ бы одновременно, но къ числу послѣдне-отдѣльвавшихся (*ultimo degli ultimi*) принадлежать: № 47 «Смерть Христа или Распятіе», ^{13 верш. высотой}_{20 верш. длиной}, оттушев. карандашомъ, — въ немъ фигуры 6 верш. высотой, — и № 56 «Рѣчь Христа на Масличной горѣ о второмъ пришествіи», масляными красками.

Изданные два рисунка въ фотографіяхъ—Адама и Евы—принадлежать безспорно къ альбомамъ, не смотря на то, что на отдѣльныхъ листахъ ¹⁾.

¹⁾ Тутъ слѣдуютъ краткія объясненія нѣкоторыхъ изъ рисунковъ, помннутыхъ въ названномъ выше спискѣ композицій А. А.; для удобства читателей, мы выпустили ихъ здѣсь и включили въ списокъ работъ Иванова, печатаемый нами ниже, помѣстивъ ихъ подъ тѣми произведеніями, къ которымъ они собственно относятся, и отмѣтивъ ихъ, какъ примѣчанія Сергѣя Иванова, — бузвами: С. И.

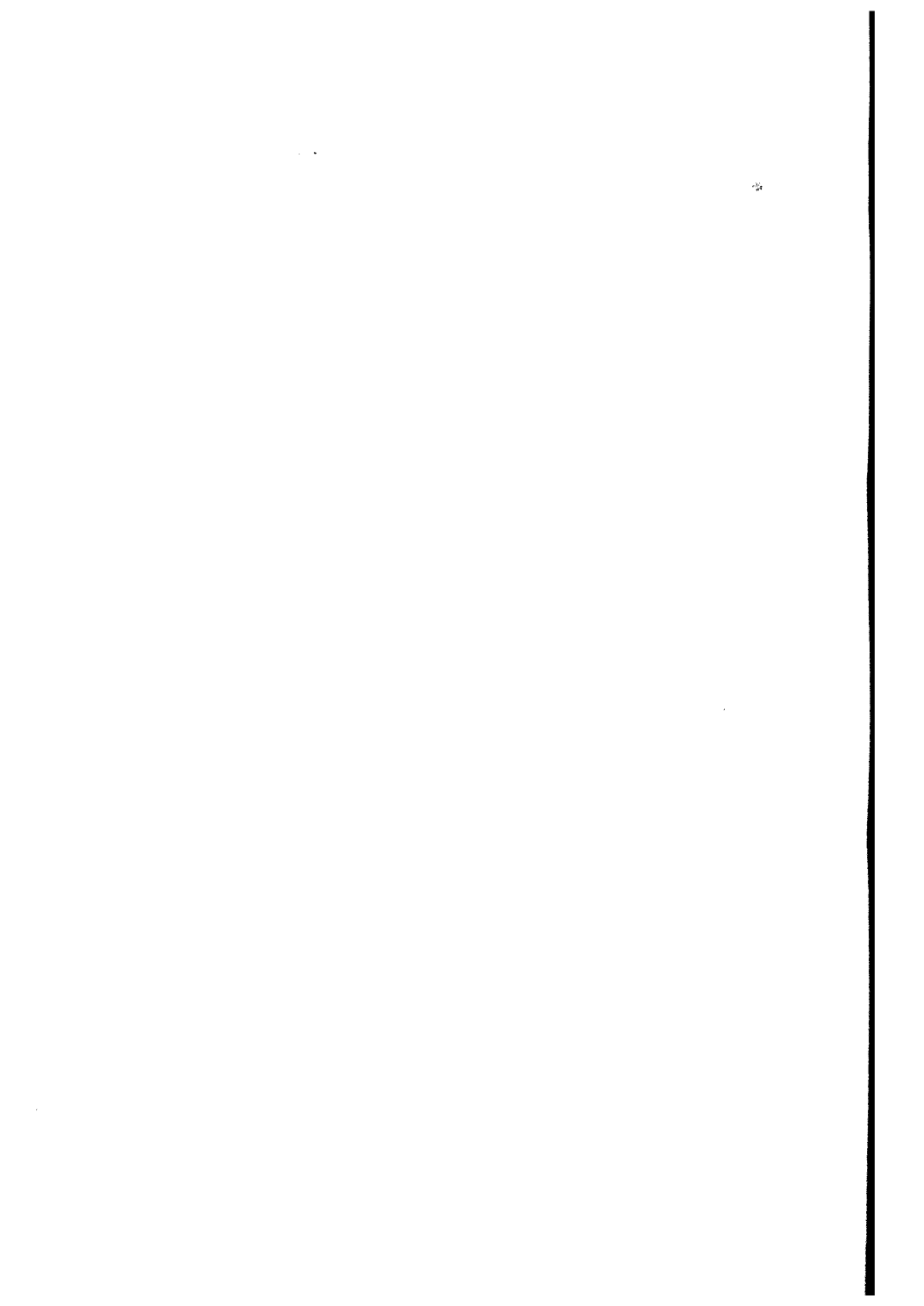
Отчего вы спрашиваете: не послѣ-ли, не прежде-ли знакомства съ Гоголемъ [пришла А. А. мысль принять за эти композиціи]? Неужели вы думаете, что Гоголь произвелъ когда-либо и что-либо важное въ направленіи А. А. Иванова? — Могу васъ увѣрить, что ошибаетесь сильно: этотъ переворотъ не Гоголь произвелъ, а 1848 годъ. Не забудьте, что мы съ братомъ были въ Римѣ личными свидѣтелями всего, тогда происшедшаго. Мы съ нимъ читали въ то время все, печатавшееся какъ въ Римѣ, такъ и во французскихъ газетахъ. Въ тотъ годъ всѣ книгопродавцы римскіе доставляли очень дѣльные, но строго запрещенныя книги съ необычайной скоростью и легкостью; мы же со своей стороны не спали. Гоголь же отъ 1848 года нисколько не перемѣнился, и, вмѣсто того, чтобы остаться во чтобы то нистало за-границей, чтобы поближе изучить это время, онъ послѣшно уѣхалъ въ Россію и, потомъ, молиться гробу Господню, что, я помню, не мало изумляло моего брата. Братъ никогда не былъ однихъ мыслей съ Гоголемъ, онъ съ нимъ внутренно никогда не соглашался, но въ тоже время никогда съ нимъ и не спорилъ, избѣгая по возможности непріятные и, скажемъ откровенно, даже дерзкіе отвѣты Гоголя, на которые Гоголь со своей гордостью не былъ скупъ. Вспомните только то, что Гоголь все болѣе и болѣе впадалъ въ битотство, а братъ напротивъ все болѣе и болѣе освобождался и отъ того немногаго, что намъ прививаетъ воспитаніе ¹⁾.

Не лишнимъ считаю прибавить, что большая часть названій дана нами [съ Мих. Петр. Боткинымъ], при составленіи списка: у А. А. мало подписанныхъ; большая же часть обозначена выносками, напр.: 2 Mos. 16.4; — сыскавъ въ Библіи [это мѣсто], мы и назвали «Ропоть въ пустынь», или же: Еход. 17. 2,—«Ропоть о водѣ» ²⁾. Не говорю уже о сюжетахъ изъ Евангелія—тамъ всѣ названія даны нами, и, за скоростію, многіе просто названы нами: или «Христосъ съ учениками», или «Сцена изъ жизни Христа», потому что, чтобы положительно опредѣлить моментъ и настоящее значеніе, нужно, во-первыхъ, очень хорошо знать Евангеліе во всѣхъ деталяхъ, а во-вторыхъ, долго соображать, что мы не могли сдѣлать, не заставивъ васъ ждать. Если еще что нужно, напишите.

Вашъ С. Ивановъ.

¹⁾ Тутъ слѣдуютъ опять нѣкоторыя поясненія къ композиціямъ, печатаемымъ нами ниже, въ спискѣ этихъ композицій.

²⁾ Ссылки на Библію сдѣланы А. А. на французскомъ языкѣ потому, что при набрасываніи этихъ композицій, онъ руководствовался постоянно французскимъ изданіемъ Каена, о которомъ онъ говоритъ съ похвалою во многихъ мѣстахъ своихъ писемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

- I. Списокъ произведеній А. Иванова.
 - II. Списокъ портретовъ его.
 - III. Списокъ статей о немъ.
-